

П. В. Гращенков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина
(Москва, Россия)
pavel.gra@gmail.com*

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В РУССКОЙ ИМЕННОЙ ПРЕДИКАЦИИ*

В статье исследуется вопрос о синтаксической организации русской именной предикации с прилагательным в функции именной части сказуемого. Вопрос о том, какая синтаксическая структура стоит за предикативным прилагательным, актуален для любого языка, где прилагательные представляют собой отдельную лексико-грамматическую категорию. В статье предпринимается попытка ответа на этот вопрос на основе данных русского языка. Подробно исследуется так называемая «атрибутивная гипотеза», в соответствии с которой предикативные прилагательные восходят к употреблению в составе именной группы. Рассматриваются основные аргументы в пользу такого анализа и против него. В конечном счете атрибутивный анализ отвергается.

Другим вопросом является сравнение предикаций с полной и краткой формой русских прилагательных. Результатом предложенного исследования является вывод о том, что русские полные формы (как и прилагательные языков типа английского) образуются в предикативной позиции как проекция (независимой) группы прилагательного. Предикативные полные формы не составляют часть именной группы, однако похожи на них благодаря наличию признака падежа. Краткие формы имеют больше сходства с глагольными проекциями, прежде всего потому, что могут присваивать семантические роли своим участникам.

Ключевые слова: Русский язык, прилагательные, именная предикация, синтаксическая структура простого предложения, именная группа

1. Подходы к анализу предикации с прилагательными

Вопрос о синтаксическом статусе прилагательных в именной предикации актуален для любого языка, в котором прилагательные представлены как отдельная лексико-грамматическая категория. Действительно, предикативное прилагательное

* Исследование поддержано грантом РНФ 18–18–00462, исполняемым в ГИРЯ им. А. С. Пушкина.

может быть, например, частью именной группы с опущенной именной вершиной, может рассматриваться как пример субстантивации или же, с другой стороны, быть самостоятельной проекцией группы прилагательного (в этом последнем случае, как мы увидим, также возможны варианты).

Для русского языка проблему синтаксического статуса прилагательных в именной предикации одним из первых поднял А. В. Исаченко, см. [Исаченко 1963]. А. В. Исаченко поставил под сомнение существовавшие прежде объяснения возможности организовать такие структуры одним из двух путей: с краткой или полной формой (далее — КФ и ПФ соответственно). Эти объяснения базировались в основном на семантических различиях и формулировались в терминах большей или меньшей соотносительности со временем. Исаченко поставил задачу найти синтаксическое, обоснование тем или иным свойствам прилагательных и в результате своего исследования пришел к выводу о том, что полные формы получаются в результате трансформации структур с краткими: «... мы считаем форму *здоровый* в схеме *Этот здоровый мальчик* и форму *здоров* в схеме *Этот мальчик здоров* формами имен прилагательных. Обе формы эквивалентны друг другу, одна является трансформом другой», [Там же: 80].

(1) [Исаченко 1963: 83]

a. <i>здоровый мальчик</i>	c. * <i>здоров мальчик</i>
b. <i>Мальчик (был) здоровый.</i>	d. <i>Мальчик (был) здоров.</i>

Известно — см. также пример (1), что КФ специализируется лишь на предикативной функции и недопустима в функции атрибута. В то же время, для ПФ доступны, на первый взгляд, обе возможности: она может употребляться как атрибутивно, так и предикативно. Исаченко резонно задается вопросом о том, не сводится ли предикативное употребление ПФ к атрибутивному. По его мнению именные предикации типа *Этот мальчик здоровый* действительно восходят к последовательным трансформациям структур *Этот мальчик здоров* и *Мальчик COP¹ мальчик*. Разницу между предложениями *Китайский язык очень труден* и *Китайский язык очень трудный* Исаченко видит в том, что полная форма прилагательного всегда соответствует «именному» употреблению: «Таким образом, *Китайский язык очень трудный* фактически восходит к структуре *Китайский язык очень трудный (язык)*», см. [Там же: 80–85].

Тот факт, что у КФ отсутствует атрибутивное употребление, наводит на мысль, что асимметрия в (1) является не более чем поверхностным выражением глубинной симметрии. Согласно такому анализу, ПФ прилагательных в русском языке всегда являются атрибутивными и в предикативном употреблении связаны с присутствием именной проекции, [Исаченко 1963; Babby 1973; Siegel 1976; Babby 1994] и др.

Такой подход к предикации с прилагательным получил ярлык «атрибутивного анализа». Рассмотрим сначала аргументы в пользу атрибутивного анализа.

¹ Copula.

Одним из наиболее часто приводимых аргументов является различие в интерпретациях краткой и полной формы, см. [Siegel 1976; Matushansky 2006; Bailyn 2012]:

- (2) [Siegel 1976: 297]
 а. *Студентка умна.* КФ, абсолютная интерпретация
 б. *Студентка умная.* ПФ, относительная интерпретация

Пример (2.а) соответствует так называемой «абсолютной» интерпретации — в нем просто утверждается, что студентка является умной. В (2.б) перед нами «относительная» интерпретация. Значение предикации здесь можно представить как ‘Студентка умная Δ’, где Δ синтаксически может соответствовать некоторой нулевой вершине, а семантически — некоторому оператору, который связывается подлежащим. Область изменения Δ — множество нарицательных существительных.

Другим хорошо известным аргументом является согласование в числе в вежливых формах второго лица:

- (3)
 а. *Вы красивы / *красива.*
 б. *Вы красивая / *красивые.*
 с. *Вы пришли / *пришла.*

Как мы видим из примера (3), КФ объединяется с глагольными формами, см. [Babby 1975; Geist 2010], в том, что согласуется лишь по множественному числу второго лица. С другой стороны, такие примеры дают основания предполагать, что за ПФ стоит нулевая именная вершина (*Вы красивая* \emptyset_{sg}).

Многочисленны также и контраргументы к атрибутивному анализу, приведем лишь некоторые. Как утверждается в [Geist 2010; Borik 2014], восстановить синтаксически невыраженную вершину невозможно — неясно, какое именно существительное стоит за ней:

- (4) [Geist 2010: 246]
После экзамена Иван был усталый. (усталый: человек? / студент? / Иван?)

Подобная ситуация приводит к неопределенности (недоспецификации) в грамматических признаках рода, (5) и числа, (6):

- (5) [Geist 2010:246]
 а. *Сергей хорошая няня.*
 б. **Сергей хорошая.*
- (6) [Borik 2014: 146]
 а. *Овощи были полезным продуктом.*
 б. **Овощи были полезным.*

Можно привести и другие аргументы против атрибутивного анализа. Во-первых, если имеется идиома, синтаксически равная именной группе, ПФ прилагательных

в предикативной позиции не сохраняют идиоматическую интерпретацию, наблюдаемую в атрибутивной позиции:

- (7) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *золотая рыбка* (внешний признак vs. персонаж сказки)
 б. *Рыбка (была) золотая.* (только про цвет)
- (8) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *медные трубы* (испытание славой vs. материал)
 б. *Трубы (были) медные.* (только в значении материала)
- (9) [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]
 а. *китайская грамота* (нечто сложное, непонятное vs. национальность)
 б. *Грамота (была) китайская.* (только в значении прилагательного национальности)

Следующий аргумент актуален не только для русского, но и для других языков. Атрибутивное употребление прилагательного предполагает возможность множественных атрибутов, примеры а. В то же время, предикативное использование более чем одного прилагательного неграмматично:

- (10)
 а. *широкое синее море*
 б. **Море (было) широкое синее.*
- (11)
 а. *высокий каменный дом*
 б. **Дом (был) высокий каменный.*

Теоретически возможен следующий подход к образованию предикативных прилагательных. Сначала появляется предикация [_{VP} был [_{DP} каменный дом]], после чего вся именная группа кроме прилагательного передвигается в позицию субъекта:

- (12)
 а. *Дом был каменный.*
 б. [_{VP} был [_{DP} каменный дом]]
 с. [_{TP} дом_i [_{VP} был [_{DP} каменный t_i]]]

Действительно, для следующих примеров такой анализ вполне допустим:

- (13) (интернет)
 а. *Учительница она была строгая.*
 б. *Человек он был добрый.*
 с. *Женщина она была злая.*

Приведенные в (13) русские конструкции можно свести к предложенному выше способу деривации: [*она [была [строгая учительница]]*] → [*учительница [она [была [строгая]]]*].

Такой сценарий выглядит весьма вероятным по следующим причинам. Во-первых, замена в данных предложениях полной формы на краткую невозможна:

(14)

- a. *Учительница она была строга.
- b. *Человек он был добр.
- c. *Женщина она была зла.

Это заставляет нас предполагать, что исходная позиция ПФ — атрибутивная, т. к. именно КФ неспособны употребляться атрибутивно.

Во-вторых, за пределами именной предикации такие употребления также становятся неграмматичными:

(15)

- a. *Учительница она все знала.
- b. *Человек он со всеми дружил.
- c. *Женщина она постоянно ругалась.

Однако против сценария, приведенного в (12), есть контраргумент достаточно универсального характера, применимый к любым языкам. Приведенный сценарий деривации не предусматривает возможности образования предложений с предикативными прилагательными и местоимениями / собственными именами в роли подлежащего. Для подобных типов именных групп невозможны стадии образования [был [строгий Петя / он]]. Поскольку тип подлежащего не влияет на семантику всего предложения, мы не можем принять такой гипотезы:

(16)

Петя / Он был веселый \equiv *Дом был каменный*.

Как мы полагаем, сказанного выше достаточно, чтобы отвергнуть атрибутивную гипотезу для ПФ предикативных прилагательных. Далее мы обсудим процесс деривации предикативных кратких форм, а затем вернемся к предикативным ПФ.

2. КФ как аналог глагольной формы

Примем некоторые договоренности относительно терминологии. Мы будем говорить о проекции Atr, которая, с некоторой долей условности, соответствует ПФ русских прилагательных. В то же время, вершина Adj в нашей терминологии будет соответствовать КФ.

Рассмотрим следующие примеры:

(17)

Она хотела быть красива.
Ты можешь быть успешен во время кризиса.

(интернет)

Как мы видим, в случае, когда КФ находится в составе инфинитивной именной связки, подчинённой главной предикации с глаголами желания, модальными глаголами и т. д., предложения грамматичны. В то же время, если КФ в контексте инфинитивного комплемента заменить согласуемой (номинативной) ПФ — будет наблюдаться неграмматичность:

(18)

**Она хотела быть красивая.*

**Ты можешь быть успешный во время кризиса.*

Данный контраст демонстрирует критическую зависимость согласуемой ПФ от наличия в предикации означенного падежного признака. Известно, что инфинитив не способен приписывать признак номинатива, что проявляется, в частности, в отсутствии выраженного подлежащего в инфинитивных оборотах. Как следствие — падежному признаку, необходимому словоформе ПФ прилагательного, оказывается просто «неоткуда взяться».

Контраст между полной и краткой формой в контексте инфинитивного комплемента ‘быть’ показывает, что КФ, в отличие от ПФ, не нуждается в означивании падежного признака. Действительно, морфологическая категория падежа у КФ отсутствует. Из этого можно сделать следующие заключения, касающиеся деривации именных предикаций с каждой из форм. ПФ, подобно предикативным именным группам, образуется как именная проекция. Предикации с КФ образуются несколько иначе. Попробуем ответить на вопрос о том, как именно.

Важным для нас фактом является то, что именно КФ связаны с синтаксически зависимыми (=аргументной структурой) русских прилагательных. Онтологическую связь между адъективной категорией Adj и аргументной структурой подтверждает следующее наблюдение.

Как известно, лишь часть русских прилагательных имеет КФ, ср.: **китайск*, **подмосковен*, **рабоч*, ... Интересное обобщение состоит в следующем: кажется, в русском языке не существует прилагательных, способных принимать комплемент и лишенных при этом краткой формы. Синтаксическая способность выражать собственных участников ограничена, таким образом, теми прилагательными, которые имеют КФ.

Рассмотрим следующий пример. У прилагательных *равный*, *похожий*, *одинаковый*, *идентичный*, *параллельный*, *симметричный*, ... с одной стороны и *другой*, *разный*, *иной* — с другой есть семантическая валентность на участников, с которыми они схожи либо различны. Набор семантических участников, таким образом, должен был бы совпадать у двух групп прилагательных. Однако синтаксически они ведут себя по-разному: прилагательные первой группы могут присоединять комплементы и обладают КФ:

(19)

(интернет)

a. *Докажите, что при движении угол отображается на равный ему угол.*

b. *...похожая на заключенную женщина ходит по больничной палате...*

с. ...женщинам предоставлена одинаковая с мужчинами гражданская правоспособность...

(20)

равен, похож, одинаков, идентичен, параллелен, симметричен, ...

Для ситуаций ‘быть другим / разным / иным’ также необходимо как минимум два участника. В то же время, данные прилагательные способны выражать обоих участников лишь формой множественного числа или при помощи комитативной конструкции (*Петя и Маша / они / Петя с Машей разные*). Такие прилагательные не имеют лексических зависимостей и не образуют КФ:

(21)

**разный с Машей / чем Маша человек*

(22)

**друг, *разен, *ин*

Итак, мы можем сделать следующее заключение: именно КФ связана с аргументной структурой прилагательных. Можно сделать еще один шаг и предположить, что и носитель качества, задаваемого прилагательным, также появляется в синтаксической структуре, связанной с КФ.

Подход к КФ прилагательных как аналогу глагольной формы был предлагался в [Babby 1973; Babby 1994; Geist 2010; Borik 2014]. Одно из следствий такого подхода заключается в том, что русские КФ, как и глаголы, могут проецировать собственные аргументы.

Можно предположить, что и V, и Adj (проекция, связанная с КФ) могут проецировать подлежащее. В случае атрибутивного употребления над глагольными и адъективными проекциями надстраиваются функциональные проекции, имеющие признак падежа, — вершины полных форм. Для прилагательных мы получаем ПФ, а в случае глаголов — полные причастия. Причастия соответствуют более сложным ситуациям и имеют более развернутую внутреннюю структуру. Главное свойство, отличающее причастия от прилагательных — способность первых и неспособность вторых приписывать аккузатив своим комплементарам, ср. *решивший задачу ученик* и т. д.

Обратимся к вопросу о том, как организована предикация с прилагательными и краткими пассивными причастиями.

Из морфологических свойств кратких форм очевидно, что они неспособны выражать видовременные значения. По этой причине в предикациях с прилагательными обязательно использование глагола-связки (в нулевой или выраженной форме). Глагол-связка снабжает предикацию с КФ необходимыми признаками финитности.

Еще к [Babby 1973] восходит анализ, в соответствии с которым КФ прилагательных можно представить как глаголы с «дефектными» парадигмами. Л. Бэбби предлагает считать, что КФ представляют собой аналоги пассивных причастий, а остальные элементы глагольной парадигмы у таких образований отсутствуют.

Подобный подход развивался в ряде последующих работ, см, например, [Babby 1975; Geist 2010, Гращенков 2018], и в некотором его варианте

принимается и в настоящей работе. Какова синтаксическая структура проекций КФ? Согласно [Borik 2014], можно обнаружить различия между КФ и пассивными причастиями в употреблении бытийной связки:

(23)

[Borik 2014: 152]

- a. *Дом (был) построен в прошлом году.*
- b. *Ребенок * (был) болен в прошлом году.*

Однако различие в дистрибутивных свойствах здесь, скорее всего, следует из наличия у причастий аспектуальной вершины, ответственной за грамматическое значение совершенного вида. Совершенный вид в примерах, подобных (23.a), предписывает ситуации прочтение как уже имевшей место. Если же взять ситуацию, потенциально относящуюся к будущему, без связки окажутся равно неграмматичны и форма причастия, и форма прилагательного, ср.:

(24)

- a. *Дом * (будет) построен в следующем месяце.*
- b. *Ребенок * (будет) болен всю следующую неделю.*

Можно заключить, таким образом, что дистрибуция кратких прилагательных и причастий не различается, различны лишь количество событийной и аргументной структуры, содержащееся в каждой из форм.

Подытожим. Прилагательные, как и глаголы, могут проецировать собственные падежные аргументы. За проекцию аргументов, в том числе, — субъектных, ответственна вершина КФ, во многом похожая на глагольную вершину. Отличие КФ от глаголов — в неспособности КФ прилагательных возглавлять финитную клаузу и выражать видовременные значения в отсутствие глагола *быть*.

Выше мы установили, что предикативные ПФ нельзя свести к атрибутивному употреблению. В то же время, ПФ, в отличие от КФ, является именной проекцией. Прежде чем перейти к результату нашей работы — некоторым заключениям относительно синтаксической структуры предикаций с ПФ — затронем вкратце вопрос о структуре именной предикации.

3. Подходы к структуре именной предикации

Как мы установили выше, КФ прилагательных не несет падежного признака. В то же время, ПФ являются именной проекцией, аналогичной именным группам, т. е. должны лицензироваться вершиной, предполагающей, что у ее комплемента есть падежный признак.

В работе [Bowers 1993] была впервые предложена, а впоследствии развита, см. [Bailyn 2012; Strigin, Demjjanow 2001] и др., идея о наличии в структуре именной предикации функциональной вершины Pred. Вершина Pred была востребована сразу по нескольким причинам. Во-первых, проекции именной предикации становились симметричны проекциям глагольной предикации: над лексическим ядром (NP/DP или VP) надстраивалась функциональная оболочка (PredP или vP).

Во-вторых, Pred была необходима как источник семантической роли для подлежащего. Действительно, именная группа (за редким исключением) не способна присваивать иной семантической роли, кроме роли посессора. При этом очевидно, что в предикациях [*Петя — мой школьный товарищ*] *Петя* не является посессором в именной группе *мой школьный товарищ*. Наконец, вершина Pred оказывается ответственной за приписывание падежа именной части предикации в языках типа русского (инструменталис) или финского (эссив, транслатив).

В русском языке предикативный инструменталис наблюдается как в независимой клаузе в именной (*Мальчик был больным*), так и при вторичной (*Я проснулся больным*) предикации.

Гипотеза о существовании Pred помогает решить проблему приписывания инструменталиса. Если источник присвязочного инструменталиса еще может быть как-то локализован — можно предполагать его собственно в бытийной связке, то инструменталис при вторичной предикации выглядит вовсе «возникающим из воздуха». Поскольку каждое значение падежного признака должно иметь свой источник, необходимо было локализовать его и в случае предикативного инструменталиса.

В разных работах предлагались различные варианты реализации вершины Pred в русском языке. В [Strigin, Demjjanow 2001] считалось, что номинатив как согласовательный падеж на прилагательном возникает в связи с механизмом «просачивания» падежа от Pred. Стригин и Демьянов предполагают существование двух вершин Pred: с именными ф-признаками и без. Различие в оформлении именных предикатов (согласование vs. инструменталис) связано с типом используемой вершины Pred.

В [Bailyn 2012] инструменталис всегда имеет своим источником Pred, как в первичной, так и во вторичной предикации. Согласуемый падеж вторичной предикации («sameness case») является результатом множественного согласования (multiple agree). В этом случае единственный источник падежного признака обслуживает как аргументную именную группу, так и вторичный предикат, являющийся адьюнктом. Случай согласуемой именной предикации анализируется как результат действия «выраженных предикаторов» («overt predicators»). Образуемые при этом структуры также, как и в случае инструменталиса, связаны с PredP, однако позицию вершины заполняет не нулевая функциональная вершина, а различные формы глагола *быть*, которые и являются источником номинативного признака.

Выше мы установили, что КФ лишена падежного признака и может сама проецировать синтаксическую структуру, снабжая участников семантическими ролями. Таким образом, русская КФ прилагательных не нуждается в вершине Pred, см. здесь [Grashchenkov, Grashchenkova 2007; Geist 2010; Borik 2014]. КФ и ПФ по-разному организуют именную предикацию. КФ ведут себя подобно глаголам, используя вершину T «напрямую», а ПФ необходима «поддержка» Pred.

PredP отсутствует в предикациях с КФ, т. к. КФ может самостоятельно присваивать семантическую роль. Аргумент в пользу такой способности кратких форм приводится в [Geist 2010]:

(25)

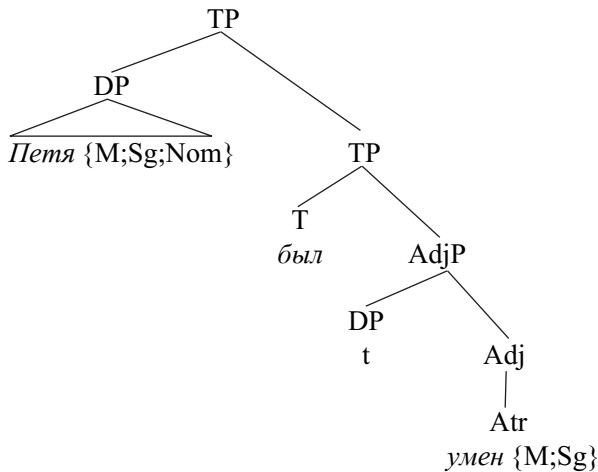
a. Ребенок больной.	c. Голос у него больной.
b. Ребенок болен.	d. *Голос у него болен.
e. Ребенок болеет.	d. *Голос у него болеет.

[Geist 2010: 249–250]

Как мы видим, КФ объединяется с глаголом в своей неспособности принимать в качестве субъекта участника, который по семантическим причинам не может быть аргументом с определенной ролью. Одновременно с этим ПФ оказывается нечувствительна к подобной метонимизации участника. Как мы можем заключить, способность присваивать семантическую роль действительно присутствует у КФ в той же степени, что и у глаголов. Это еще раз подтверждает верность нашего предположения об отсутствии PredP в структурах с КФ.

Структуру именной предикации с КФ можно представить следующим образом:

(26)

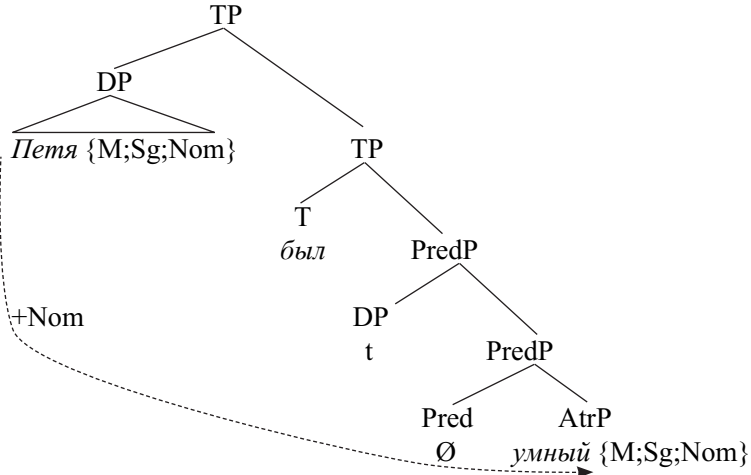
4. Предикативная ПФ

Краткая форма прилагательного может образовывать развернутые составляющие, в рамках которых доступна проекция Adj и связанные с ней субъектные и прочие участники. В то же время, предикативная ПФ не может иметь внутреннюю структуру. Предикативные ПФ образуются как «плоские» составляющие, которые лишены собственных аргументов и не могут присваивать семантическую роль.

Будучи именной проекцией, ПФ в процессе деривации «выбираются» вершиной Pred, ответственной за проекцию подлежащего и назначение ему семантической роли. Этим объясняется различие в интерпретации *Мальчик (был) здоров* и *Мальчик (был) здоровый*. В случае КФ перед нами ситуация, задаваемая стативным предикатом и актуальная на протяжении определенной временной дистанции. Предикативная ПФ имеет классифицирующее значение, такое же, как при атрибутивном употреблении ('мальчик — из числа здоровых').

Мы готовы теперь представить структуру предикативных полных форм. Как мы помним, для ПФ критично наличие падежного признака на прилагательном на некотором этапе синтаксической деривации. В соответствии со стандартными допущениями, мы полагаем, что признак номинатива на подлежащем означает в результате подъема в позицию Spec, TP. В результате этого ПФ прилагательного получает необходимые ей признаки: прежде всего — падежа, а также числа и рода:

(27)

Именная предикация с ПФ характеризуется тем, что образование субъектной DP не связано с внутренней структурой группы прилагательного: она порождается в Spec, PredP, как и это происходит и в других случаях именных предикаций. Такой порядок деривации объясняет невозможность рассогласования субъекта и (части) предиката в роде или числе: **Сергей хорошая {няня}*; **Овощи были полезным {продуктом}*. Предикативная ПФ не имеет собственных значений признаков и зависит от значений таких признаков на субъекте.

Далее, грамматичность предложений *Вы красивая* и т. п. связана с тем, что местоимения (DP) и ПФ прилагательных порождаются как две различные проекции: именная группа и группа прилагательного. Согласование по единственному числу имеет место всегда, когда *Вы* не образует с группой прилагательного проекции с начала деривации:

(28)

- a. *Вы придете одна.* (интернет)
- b. *В том, что вы можете сам с собой разговаривать нет ничего страшного.*

(29)

- a. *Вы выглядите одинокой.* (интернет)
- b. *Но Вы выросли озлобленным и вечно обделенным человеком.*

Подобный анализ свободен также от проблем атрибутивного подхода. Деидиоматизация следует из предлагаемой нами структуры автоматически: части именных групп *золотая рыбка, медные трубы, китайская грамота* более не образуют единого элемента, а представляют фактически две различные составляющие. Для идиом, которые хранятся в словаре как цельная лексическая единица, такое употребление недопустимо.

Столь же автоматически решается и проблема запрета двух и более атрибутивных прилагательных (**Море было широкое синее* и т. п.). Поскольку частью именного предиката является группа прилагательного, «наслоение» нескольких прилагательных невозможно — это допустимо только в рамках именной группы (или сочиненной составляющей).

Проблемы «количества» вынесенной в субъектную позицию именной структуры (DP vs. NP; *Петя был веселый* vs. *Мальчик был веселый*) также не возникает: субъектная именная группа и проекция прилагательного образуются независимо.

Заключение

Мы проанализировали проблемы, связанные с атрибутивным подходом к предикативным прилагательным. К таким проблемам прежде всего относятся: затрудненность в установлении элиминированной именной вершины, потеря идиоматического значения, невозможность употребления более чем одного предикативного прилагательного. Мы предложили считать, что структуры предикаций с краткой и полной формой прилагательного различны. Краткая форма, как и глагол, порождает подлежащее внутри своей проекции и является компонентом Т. Полная форма требует предикативной вершины Pred, ответственной за присваивание семантической роли, а в случае инструменталиса — приписывание падежа.

Релевантные грамматические признаки (прежде всего — именительный падеж) приобретаются согласовательной полной формой прилагательного в процессе деривации. Согласно нашему подходу, в предикациях с полной формой отсутствует именная структура, а сходство с именной группой объясняется употреблением атрибутивной (=полной, имеющей падеж) формы прилагательного. Поскольку предложенная структура не восходит к именной группе, она не страдает теми недостатками, которые связаны с «традиционным» атрибутивным подходом.

Литература

Гращенков П. В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2018. 432 с.

Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 61–93.

Babby L. H. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian, Language, 49. 1973. P. 349–360.

Babby L.H. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // Avrutin S. et al. (eds.) Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1994. P. 25–67.

Bailyn J.F. The syntax of Russian. Cambridge: CUP, 2012. 392 p.

Baker M.C. Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 368 p.

Borik O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian // *Lingua*. 2014. Vol. 149. P. 139–165.

Bowers J. The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. Vol. 24. P. 591–656.

Filip H. The semantics of case in Russian secondary predication // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9* / ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.

Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. P. 239–260.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations. Vitoria-Gasteiz. 23–25 May, 2007.

Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree // *Journal of Slavic Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006. 14/2. P. 45–78.

Markman V. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions // *Journal of Slavic Linguistics*. 2008. Vol. 16 (2). P. 187–246.

Matushansky O. How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives. Ms., CNRS, Universite Paris 8. 2006. 18 p.

Matushansky O. A case study of predication // *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5* / ed. by F. Marušič, R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61 (1). P. 59–94.

Richardson K. Case and aspect in Slavic. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.

Siegel M. Capturing the Russian adjective // *Montague grammar* / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Strigin A., Dem'yanov A. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.

Pavel V. Grashchenkov

*Lomonosov Moscow State University (MSU, Faculty of Philology, Russia, 119991,
Moscow, GSP-1, 1–51 Leninskie Gory, 1 Humanities Building)*

Pushkin State Russian Language Institute

(Ac. Volgin str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia)

(Moscow, Russia)

pavel.gra@gmail.com

ADJECTIVES IN RUSSIAN NOMINAL PREDICATIONS

The article examines the syntactic structure of Russian nominal predicates with adjectives functioning as the nominal part of the predicate. The question of the exact structures behind predicative adjectives is relevant for any language where adjectives represent a distinct lexical and grammatical category. The article attempts to answer this question on the basis of Russian data. The so-called «attributive hypothesis» is studied in detail. This hypothesis claims that adjectives in predicative position are a result of the transformation of attributive adjectives into a noun phrase. The main arguments in favor of and against such an analysis are considered. Finally, we conclude that this attributive analysis is wrong.

Another topic covered by the article is the comparison of predicates with long and short forms of Russian adjectives. The study concludes that predicative long-form adjectives in Russian (as well as adjectives in languages such as English) are formed as a projection of the adjectival phrase. Predicative long forms are not part of a noun phrase; rather, they are similar to one due to the presence of case features. Short forms are much more similar to verbal projections, above all due to their ability to assign semantic roles to their participants.

Keywords: Russian, adjectives, nominal predication, syntactic structure clauses, noun phrase.

References

Grashchenkov P. V. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologija ad»ektivnosti i atributivnosti* [The Grammar of Adjectives. Typology of Adjectives and Attributives]. Moscow, «Jazyki Slav'anskoj Kul'tury», 2018. 432 p. (in Russ.)

Babby L. H. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian. *Language*, 1973, 49, pp. 349–360.

Babby L. H. A Theta-theoretic analysis of Adversity Impersonal Sentences in Russian. // Avrutin S. et al. (eds.) *Annual workshop on formal approaches to Slavic linguistics. The MIT meeting 1993*. Ann Arbor, Michigan Slavic Publications, 1994, pp. 25–67.

Bailyn J. F. *The syntax of Russian*. Cambridge: CUP, 2012. 392 p.

Baker M. C. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 368 p.

Borik O. The argument structure of long and short form adjectives and participles in Russian. *Lingua*, 2014, vol. 149, pp. 139–165.

Bowers J. The syntax of predication. *Linguistic Inquiry*, 1993, vol. 24, pp. 591–656.

Filip H. 2001. The semantics of case in Russian secondary predication. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 9* / ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. Ithaca, NY: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001, pp. 192–211.

Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*, 2010, vol. 34, pp. 239–260.

Grashchenkov P., Grashchenkova A. Argument structure of Russian adjectives. *Talk given at the Workshop on argument structure and syntactic relations*. Vitoria-Gasteiz, 23–25 May, 2007.

Isachenko A. V. [Transformational analysis of short and long adjectives]. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii*. M., 1963, pp. 61–93. (in Russ.)

Madariaga N. Why Russian semi-predicative items always agree. *Journal of Slavic Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2006, 14/2, pp. 45–78.

Markman V. The case of predicates (revisited): Predicate instrumental in Russian and its restrictions. *Journal of Slavic Linguistics*, 2008, vol. 16 (2), pp. 187–246.

Matushansky O. *How to be short: some remarks on the syntax of Russian adjectives*. Ms., CNRS, Universite Paris 8, 2006. 18 p.

Matushansky O. A case study of predication. *Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5* / ed. by F. Marušič, R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008, pp. 213–239.

Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*, 2007, vol. 61 (1), pp. 59–94.

Richardson K. *Case and aspect in Slavic*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 271 p.

Siegel M. Capturing the Russian adjective. *Montague grammar* / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. pp. 293–309.

Strigin A., Demjanow A. Secondary predication in Russian. *ZAS Papers in Linguistics*, 2001, vol. 25, pp. 1–79.